1

Лиля облизнула кроваво-алые губы, как будто только что напилась крови у предыдущей посетительницы. Заметив нерешительность клиентки, она подбодрила ее улыбкой, указав на стул:

— Прошу вас.

Старушенция приличного вида, а не побитая молью рухлядь. Она присела на стул перед Лилей, сложив на краешке стола костлявые пальцы с перламутровым маникюром цвета сливы и в перстнях. Минутную паузу, во время которой старушенция пристально изучала молодое, налитое, грудастое и прехорошенькое создание напротив, заполнили крики мальчишек во дворе, доносившиеся через раскрытое окно. Так ведь весна, первой на нее откликается детвора.

— Слушаю вас, — промурлыкала Лиля колдовским голосом.

В ее глазах отражалось редкое в наше время участие. После столь ласкового приема, помимо воли, захочется рассказать не то что о проблемах, но даже о тайных сторонах своей души.

— Видите ли, — смущенно начала старушка, опустив редкие ресницы в комочках, выпачканные, очевидно, некачественной тушью. Время от времени она их поднимала, что-

бы проверить реакцию девушки с кроваво-красными губами и глазами сексуально озабоченной кошки. — В наш век трудно говорить о необычных явлениях, потому что... вам сразу вызовут карету «Скорой помощи». Иногда мне тоже кажется, что я не в своем уме, но врач сказал, мои мозги в полном порядке... Хотя я не называла истинных причин, по которым обратилась к нему...

Старушка замолчала, с затаенной надеждой впившись взглядом в хищные глаза Лили, одновременно она проверяла, насколько доходчиво объяснила свою проблему. Но красноволосая девица только блудливо улыбалась, словно перед ней сидел видный мужик.

— Я слушаю, слушаю, — подбодрила она клиентку. — Как вас зовут?

— Евдокия Даниловна. Ну вот... — продолжила та, подыскивая слова. — У меня квартира большая, живу я в ней одна и... Последнее время у меня возникло ощущение, что я не одна в квартире... Вы понимаете меня?

— Конечно, — закивала Лиля, наверняка не понимая, на что намекнула миленькая старушка. — Вы обратились по адресу, мы занимаемся подобными проблемами, поэтому говорите откровенно, вас никто не поднимет на смех и тем более не вызовет вам карету «Скорой помощи».

— Спасибо. Это началось совсем недавно, с месяц... Сначала я слышала стоны... — Лиля начала записывать, Евдокия Даниловна, поняв, что ее слова действительно не воспринимаются как бред шизофреника, оживилась, придвинула стул ближе. — Поймите, слышать

странные стоны — это очень неприятная штука. Мне страшно стало, я не сплю ночами... Но я не одна слышала стоны! Да, жильцы этажом выше тоже их слышали... Этажом ниже тоже... Но они все пожилые люди, у меня возникло чувство, что мы все... немного сдвинулись.

— Стоны какого характера? — спросила Лиля.

— Простите, не поняла, — виновато улыбнулась бабуля.

— Ну, стоны тоже бывают разные, — принялась объяснять Лиля. — Болевые... когда стонут от боли. Бессознательные, сексуальные...

— Вот-вот! — вскинулась старушка. — Эти самые. Похожие на сексуальные, но такие дикие, просто рев какой-то... э... приглушенный. Словно тому, кто стонет, не дают стонать. Моя сестра говорит, это старческие галлюцинации. Неужели у всех разом?

— В каком месте слышали стоны?

— На кухне. А позавчера... я живу на третьем этаже в сталинском доме, третий этаж — это высоко. Так вот, позавчера у меня была открыта балконная дверь, и вдруг... в комнату влетела кошка. Слышали бы вы, как она орала... Я уснуть не могла, валидол пила горстями.

— Куда делась кошка?

— Улетела.

— Улетела... — записала Лилия, ничуть не удивившись такому необычному явлению, как полет кошки. — Куда?

— Туда же, откуда она появилась, — на улицу, через балкон. Подруга дала мне газету с вашей рекламой, я приехала за помощью.

— Мы поможем, не беспокойтесь.

— Спасибо, — растрогалась старушка. — А когда вы приедете ко мне? Нельзя ли прямо сегодня? Я вам не все рассказала...

— Минуточку... — Лиля набрала номер. — Алик, скажи, у тебя сегодня много точек?.. Не возьмешь еще один адрес?.. Нет, дорогой, Марат не сможет, у него сложный случай, кстати, твоя помощь тоже понадобится... Ну, посмотреть-то я могу, а толку? — Она послушала трубку еще некоторое время, затем, положив ее на стол, сказала Евдокии Даниловне: — Только завтра.

— Что же, мне опять не спать? — расстроилась бабуля, надув тонкие губы, накрашенные яркой помадой, далеко выходящей за границы рта.

— Переночуйте у сестры или подруги, а завтра мы приедем.

— Сколько я вам должна?

— Оплатите только вызов и диагностику квартиры, основную сумму выплатите после того, как наши специалисты избавят вас от проблем. Пенсионерам у нас скидка пять процентов. И не забудьте забрать квитанцию.

Евдокия Даниловна положила квитанцию в сумочку, попрощалась и вышла, окрыленная надеждой.

Он многое делал не так. Не так, как самому хотелось бы сделать. Потому что есть шкала, по ней оцениваются твои возможности, которые, в свою очередь, определяют твое положение, и задача всякого полноценного человека вскарабкаться по этой шкале как можно

выше. А восхождение проходит через «не так» и «наплевать». Для чего были нужны все эти титанические усилия? Сейчас он уже не ответил бы, потому что тогда Валерьян Юрьевич был одним человеком, сегодня он уже другой. И сейчас он думал, обходя домину: «На хрен он мне нужен? Чтобы каждый день видеть агрессоров в полном составе?» Агрессоры — родные детки, а их у него пятеро — три сыночка и две лапочки-дочки. Почти все намерены жить с ним в одном доме со своими детьми, няньками, родней — братьями, сестрами, тещами...

— Тьфу, — досадливо сплюнул Валерьян Юрьевич.

— Простите, что? — повернулась риелторша.

Она сделала вид, будто не заметила, что он плюнул на пол, инкрустированный вставками, выполненными из экзотических пород деревьев, самих таких деревьев, кажется, в природе не существует. Спрашивается, зачем было инкрустировать пол, по которому топчутся, экзотическими породами? Кто скажет? А не скажет даже тот, кто заказывал бессмысленно дорогущий паркет!

— Я кашлянул, — сказал Валерьян Юрьевич, ничуть не смущаясь ни по поводу плевка на пол, ни по поводу своего вранья.

Риелторша поплыла по гостиной, виляя задом размером с корму «Титаника», одновременно рассказывая:

— Камин в английском стиле. Впрочем, как в старых английских домах викторианской эпохи, в этом доме во всех спальных комнатах есть камины, помимо обычного отопления...

Ух, как она про эпоху-то ввернула! Скромненько, но выделила паузами, после на клиента зыркнула. Наверное, думает, Валерьян Юрьевич выпотрошит банковский счет только из-за эпохи. А он вернулся мыслями к агрессорам, которые мечтают быть ближе к его кошельку и пить из папочки кровь, хотя пить уже нечего — всю вылакали. Они настояли на покупке дома, чтобы жить дружной семьей.

Он приехал на смотрины и недоумевал, зачем согласился на эту самую дружную семью. Потому что кругом показуха. Липа кругом — липовые показатели достижений, липовые товары, липовые отношения и друзья, даже дети демонстрируют липовую любовь к родителю, а родитель — к ним.

Но дом хорош, тут ничего не скажешь — большой, светлый, современный, в то же время напоминает модную старину. Только повсюду видны следы прежних хозяев, от этого дом выглядит заброшенным. Разумеется, усадебка в экологически чистом районе за городом, по соседству высятся такие же домишки в два-три этажа, окруженные практически лесом и заборами до небес, в общем, место не безлюдное, но Валерьян Юрьевич высказал недовольство:

— Далеко от города.

— Ну что вы! — вытаращила чрезмерно накрашенные глаза риелторша. — До города полчаса езды, максимум минут сорок, если плестись как черепаха. А вид какой, посмотрите! Такие пейзажи встречаются только на картинках. Идемте, идемте...

Не нравилась ему и риелторша — явно шлюха на пенсии, не нравилась ее одежда, подчеркивающая бугорчатые формы, набитые утрамбованным жирком, и особенно не нравился замороженный студень на ляжках, видимый сквозь длинный разрез юбки. Валерьян Юрьевич далеко не стройный, можно сказать, очень далеко не стройный, но дряблых, молодящихся баб не выносит, усматривая в них дешевую подделку. Он большой — не достать до макушки, широкий — не охватить, из-за величины ему и дают много больше пятидесяти трех. Характер... У него нормальный характер — лично ему нравится. Люди с мягкими характерами и с его положением не доживают до его лет, а он еще намерен пожить. Какая-то неизвестная сволочь прицепила ему кличку Кувалда. Это что значит? Валерьян Юрьевич остолоп, тупица, грубый невежа, да? Несправедливо. А несправедливость порождает озлобленность, разве нет?

Вид открылся так себе: внизу протекала обычная река, до безобразия заросшая камышом, сам же дом с тыла вовсе представлял собой унылое зрелище. Он был удручающе запущен. Бывшие хозяева не заштукатурили с этой стороны стены, повсюду стояли железные бочки, валялись деревянные носилки, лестницы, ведра, сваленные кое-как кирпичи, грязь. Но Валерьян Юрьевич пока якобы этого не заметил, а, кивнув в сторону реки, предположил:

— Наверно, гадюк полно.

— О гадюках не слышала. Ужи есть, не скрываю, но они же не опасны. Если вас смущает камыш, то... его заросли как раз и говорят

об экологически чистом месте (слово «экологический» она употребила за время осмотра раз двести). Всем известно, что камыш является естественным очистителем водоемов, поэтому...

— Здесь негде купаться, — продолжил выдвигать причины, по которым он не хотел покупать дом, Валерьян Юрьевич. — Берег в болото превратился...

— Разве для вас это проблема? — залилась смехом потаскушки риелторша. — Пригласите бригаду рабочих, они вам за день очистят берег, насадят водяных лилий и устроят пляж, как в пятизвездочном отеле на Мальдивах.

Ее послушать, так все пустяки. Только на эти пустяки надо чемодан баксов вывалить. Теперь Валерьян Юрьевич якобы только сейчас заметил заднюю стену, черты его лица сложились в тоскливую гримасу, на что риелторша сразу же отреагировала:

— Думаю, эту часть рабочие успеют завершить до вашего переезда.

— Если дом такой хороший, почему его продают?

— Видите ли, хозяин ввиду сложившихся обстоятельств вынужден был покинуть страну...

— Сбежал, — резюмировал Валерьян Юрьевич.

— Можно и так сказать. Его жена намерена продать всю недвижимость и уехать к мужу, — закончила она и, понимая, что Кувалда не догоняет, как ему повезло, добавила: — В общем-то дом она отдает за бесценок, потому что торопится выехать. Ну а район, сами видите, не для среднего класса.

Кстати, здесь рядом конюшня.

 — Это мне еще зачем?

— Верховой ездой заниматься. Сейчас модно.

— Не родилась еще та лошадь, способная возить меня, — мрачно пошутил он и повернулся на визг.

— Па! Па, это же рай! — визжала младшая агрессорша, едва не вываливаясь из окна. — Па, я выбрала себе комнату. Эту.

Она выбрала! Они всегда выбирают. Только вот платит он. А они снисходительно подшучивают над ним, когда папа не то скажет или сделает что-либо не так, высокомерно переглядываются и усмехаются, мол, папа — маразматик. По их мнению, он безнадежно отстал и постарел, хорош лишь тем, что дает бабки, без которых им цена — медный грош. Валерьян Юрьевич улыбнулся дочери одной половинкой рта, вторая половинка не нашла сил для улыбки, и с мечтательной надеждой, озадачившей риелторшу, спросил:

— А наводнения здесь бывают?

Хорошо бы всех разом одной волной... М-да, ни одному человеку Валерьян Юрьевич не сознался бы, о чем иногда грезит в часы досуга, которых выпадает мизерно мало.

— Наводнения? — растерялась риелторша, вычисляя в уме, какой ответ будет угоден клиенту. — О наводнениях... Такой вопрос слышу впервые... Нет, что вы! Скажете тоже: наводнения! Откуда?

— Оттуда, — указал он одними глазами на реку. — Из того болота.

— Ха-ха-ха! — залилась она искусственным смехом. — Что вы, какое болото? Это река. Рукав. Почти нет течения. Ваша дочь права:

— Очень дорогой, — заметил Валерьян Юрьевич.

— А где вы видели дешевый рай? — устало спросила она. — Даже чтобы попасть в небесный рай, тоже надо немало потрудиться, например, не грешить. Согласитесь, это дорогая плата за гамак в неизвестном месте, откуда еще никто не возвращался. А вам предлагается роскошный дом со всеми удобствами, река в двух шагах, лес тоже, дороги отличные — что еще надо?

— Папа! — В окно второго этажа выглянул старший агрессор от первого брака. — По-моему, дом стоит тех денег, которые за него просят.

Валерьян Юрьевич согласился купить только потому, что: откажись он — его заедят, запилят, забьют, заклюют, задергают нытьем и упреками. Он их не боится, нет. Просто хочет покоя, о, как он хочет покоя! Чтобы тихо, безлюдно, бездетно... И думал, идя к автомобилю: «Когда же я буду делать то, что хочется и нравится мне?»

На следующий день бригада сталкеров (расшифровку этого слова Евдокия Даниловна решила позже посмотреть в словаре) была на месте в точно назначенный час. В квадратной прихожей два молодых человека, по-деловому собранных, разложили всяческие приборы и рамки на паркетном полу, размотали мотки проволоки. Один из них отдавал приказы, доставая фольгу в небольших рулонах:

— Начни с кухни, а я обследую комнаты. Вентиляционную трубу проверь, если там есть заряд, ищи портал.

Евдокия Даниловна жалась к стене, ее сестра — бабуля с фиолетовыми волосами

и чуточку помоложе — оказалась более любопытной, она просто нос засовывала в сумку охотника за привидениями, время от времени задавала вопросы:

— А для чего фольга? А это что? А для чего это?

Но сероглазый охотник был поглощен исключительно приготовлениями, когда же бесконечные вопросы бабули его достали, он спросил:

— Бабушка, вы чем занимались в прошлом?

— Меня зовут Ангелина Даниловна, — презрительно бросила та. — А была я, молодой человек, балериной кордебалета.

Представилась так, будто танцевала под псевдонимом Майя Плисецкая.

— Отлично. А меня зовут Алик. Скажите, вы всем зрителям рассказывали, как называются ваши па и зачем они нужны? (Престарелая балерина приоткрыла накрашенный сиреневой помадой ротик. Она испытывала затруднение, потому что не помнила подобных разговоров.) Ну, вот видите. Так и мы: посторонним не открываем своих секретов.

Он зажег свечу в подсвечнике и стал обходить комнаты, двигаясь вдоль стен. Старушки легко и бесшумно — словно не одна, а две балерины, — скользили за ним, пытаясь уловить то, что, как иногда казалось, улавливал он. Точно так же они прислушивались к стенам, поднимали вслед за Аликом глаза к потолку и рассматривали потеки, за которые стоило поблагодарить негодяев соседей сверху, затопивших Евдокию Даниловну и отказавшихся выплатить компенсацию за ущерб, она теперь с ними судится.